

Д.А. Шереметьев

ХЕВСУРЫ И КРЕСТОНОСЦЫ. К ОДНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Статья посвящена дискуссии второй половины XIX в. о происхождении хевсуров. В 1851 г. Арнольд Львович Зиссерман опубликовал одно из первых описаний жизни хевсуров. Помимо прочего, он высказал предположение, что хевсуры могли быть потомками группы крестоносцев. В монографии 1878 г. Густав Иванович Радде подверг критике гипотезу Зиссермана. Особенность развернувшейся полемики заключалась в том, что в ней сталкивались не столько равноположенные аргументы, сколько различные мировоззренческие установки. Позиция Зиссермана можно описать посредством неоплатонических концептов, соприродных романтической картине мира. Позиция Радде может быть описана в терминах, характерных для естествознания Нового времени. В статье предпринята попытка рассмотреть указанные мировоззренческие установки в их взаимоотношении. Сделан вывод о том, что в данном случае неоплатонический подход провоцирует кросскультурную тенденцию, в то время как естествоиспытательский — архаизирующую тенденцию. Занимаемая исследователем мировоззренческая позиция в значительной степени определяет и направление исследования, и применяемый интеллектуальный инструментарий.

Ключевые слова: хевсуры, крестоносцы, Зиссерман, Радде, неоплатонизм, естествознание, мировоззрение.

D.A. Sheremetev

KHEVSURS AND THE CRUSADERS. TOWARD SCIENTIFIC DISCUSSION

The article deals with the discussion about the origin of Khevsurs, which was held in the second part of the 19th c. In 1851 Arnold Zisserman published one of the first descriptions of the life of Khevsurs. He suggested, among other things, that Khevsurs were descended from a group of Crusaders. In 1878 Gustav Radde criticized the Zisserman hypothesis in his monograph. Their controversy was not so much in arguments, but in different ideological installations. The Zisserman's position may be described by means of neoplatonic concepts, related to the romantic picture of the world. Radde's view may be described in terms of the natural science of Modern times. The article attempts to consider these ideological attitudes in their relationship. It is concluded that in this case the neoplatonic approach provokes a cross-cultural tendency, while the naturalist approach provokes an archaic tendency. The ideological position occupied by the researcher largely determines the direction of the research and the intellectual tools used.

Keywords: Khevsurs, crusaders, Zisserman, Radde, Neoplatonism, natural science, ideological position.

Как известно, хевсуры — этнографическая группа грузин, проживающая в горной части восточной Грузии. Название «хевсуры» происходит от грузинского слова «хеви» (дословно ‘ущелье’), которым обозначали долины горных рек и сельские общины, в этих долинах проживающие [Харадзе 1958: 67]. Таким образом, наименование «хевсуры» (так же как и название другой субэтнической группы грузин — «мохевцы») этимологически означает ‘жители горных долин’ или просто ‘горцы’.

Согласно описаниям XIX в., хевсуры жили по обе стороны Главного Кавказского хребта: на южной стороне — в верховьях реки Арагви, в бассейне т. н. Хевсурской Арагви, а на северной стороне от водораздела — вдоль одного из истоков реки Аргун и в Архотском ущелье, у истоков Ассы [Зиссерман 1851: 88; Худадов 1890: 63–64]. Страну хевсур называли по-грузински Хевсурети, а по-русски — Хевсурия.

Хевсуры отличались от прочих грузин территорией проживания, одеждой, обычаями, диалектом и осознавали свое отличие [Зиссерман 1851: 89; Эристов 1855: 118; Косвен 1961: 21–22]. Несмотря на это, внутри самой Хевсурии не существовало четкого представления о единстве: южные хевсуры, к примеру, называли своих северных соплеменников не хевсурами, а по имени селений, в которых те жили [Худадов 1890: 66]. Собственно именно территориальная община, которая могла включать одно или несколько расположенных рядом селений, являлась основной формой социальной организации у горцев.

Хевсуры и крестоносцы. В 1851 г. Арнольд Львович Зиссерман, прослуживший в Грузии пять лет чиновником, опубликовал в нескольких номерах тифлисской газеты «Кавказ» одно из первых подробных описаний жизни хевсуров. Касаясь вопроса об их происхождении, Зиссерман высказал мысль (специально оговорив, что это не факт, а *только предположение*), что хевсуры могли быть потомками группы крестоносцев, попавшей в ущелья Кавказа, либо заблудившись, либо участвуя в походах грузинских царей, либо разыскивая укрытие после поражения. На тезис о сходстве хевсур с крестоносцами Зиссермана натолкнули особенности хевсурской одежды, в частности, многочисленные

украшения в виде нашивных крестов из желтой тесьмы; обычай сражаться с помощью прямых палашей и щитов; надписи латиницей на клинках и пр. [Зиссерман 1851: 89]. В воспоминаниях о Кавказе, изданных в 1854 г., Арнольд Львович повторил свое предположение, назвав его, «конечно, малоосновательным» [Зиссерман 1854: 123].

Уже в монографии Густава Ивановича Радде, изданной немецки в 1878 г. (в переводе на русский — в 1880 г.), гипотеза Зиссермана была подвергнута критике. Признав ценность сведений А.Л. Зиссермана в целом, Радде назвал мнение о происхождении хевсуров от крестоносцев *неосновательным*, указав вслед за князем Эристовым на употребление хевсурами грузинского языка. Что касается оружия, то Густав Иванович обратил внимание на сходство хевсурских кольчуг с персидскими и сделал вывод о персидском происхождении вооружения хевсур. Сообщение о латинских надписях на клинках Радде сомнению не подвергал, однако заметил, что ему не удалось увидеть подобного оружия [Радде 1880: 57–59, 140–141, 144, 147]. Спустя почти 50 лет, в 1928 г., В.А. Гурко-Кряжин в своей книге «Хевсуры» назвал гипотезу Зиссермана легендой (не в смысле ‘легендарной’, а в смысле ‘ненаучной’), согласившись с Радде, который *вполне правильно установил* персидское происхождение оружия хевсур [Гурко-Кряжин 1928: 10]. С.И. Макалатия в книге 1940 г. уже прямо назвал взгляды Зиссермана *антинаучными*, основанными на *внешних, случайных чертах сходства* [Макалатия 1940: 22].

Эта длительная дискуссия, до сих пор оживающая под пером падких на экзотку журналистов, оставляет странное впечатление. Действительно, ассоциация хевсуров с крестоносцами выглядит весьма поверхностно, но она не может быть опровергнута с помощью языкового аргумента. Арнольду Львовичу Зиссерману, выучившему грузинский язык за время службы, не хуже Густава Ивановича Радде, не знавшего грузинского языка, было известно, что хевсуры говорят на диалекте грузинского языка. Однако этот никем не оспариваемый факт никак не снимает вопроса, поставленного Зиссерманом: «...не потомки ли они крестовых рыцарей, партия коих могла быть заброшена в тущобы Кавказского хреб-

та и вынуждена остаться там навсегда? Затем, обзаведясь женами из ближайших горно-грузинских ущелий, они усвоили себе и язык их» [Зиссерман 1879: 190]. Мнение Радде о персидском происхождении хевсурского вооружения основано на том, что он лично видел старую рукопись поэмы Фирдоуси «Шах-наме», на иллюстрациях которой герои «изображены нередко в кольчугах и шлемах»; кроме того, некий очевидец поведал Густаву Ивановичу, что в антикварных лавках Исфахана попадаются наручники с куфическими надписями. Все это, по мысли Радде, доказывает древность панцирного вооружения на Востоке, что, в свою очередь, должно опровергнуть *смелое предположение* о том, что вооружение хевсур могло сохраниться со времен крестовых походов [Радде 1880: 140–141]. Нельзя не отметить, что с методической точки зрения рассуждение Г.И. Радде построено совершенно идентично рассуждению критикуемого им А.Л. Зиссермана и вряд ли может быть признано более убедительным. В целом участники полемики говорят вроде бы об одном и том же предмете, но видят его совершенно по-разному.

Так что же увидел Зиссерман? «В странствиях моих по Кавказу меня более всего удивляло невероятное разнообразие во всем. Что шаг, то другая местность, другой климат, новое племя; что деревня, то свой язык, обычаи, вера, образ жизни... На расстоянии 30 верст встречаешь несколько племен, ни в чем не сходных, вечно враждующих между собою, без мысли о примирении!» [Зиссерман 1851: 88]. Арнольд Львович удивлялся непохожести местных жителей, он видел черты, которые отличали их друг на друга. Именно отличие хевсуров от соседей привлекло внимание Зиссермана: «По всем обычаям, образу жизни, понятиям о вере они не имеют ничего общего с соседними народами» [Там же: 89]. Мысль выражена, конечно, резко, но некоторой части реальности она, безусловно, соответствует.

Здесь стоит отметить важное обстоятельство: Арнольд Львович Зиссерман был сыном своего времени, которое дышало романтизмом. Достаточно сказать, что Арнольд Львович отправился служить в Тифлис семнадцатилетним юношей, начитавшись кавказских повестей А.А. Бестужева-Марлинского. Несмотря на

разочарование, постигшее молодого человека при первой встрече с оборванными «девами гор», дымными саклями и рутиной чиновничьей жизни, он смог воплотить романтический идеал в собственной жизни. Зиссерман облачался в «черкесский» и «татарский» костюмы, брил голову как чеченец, путешествовал инкогнито среди враждебных горцев, рубил кинжалом головы баранам, участвовал в схватках с разбойниками и, что не менее важно, описал свои приключения в прекрасных мемуарах [Зиссерман 1879: 1, 3, 5, 17–18, 33, 57, 180, 204, 277, 279]. Романтический взгляд на мир, помимо прочего, предполагал бережное внимание к бесконечным возможностям, заложенным в вещах. Отсюда настойчивое стремление разглядеть лицо различных эпох, народов, культур, разгадать и распознать общий дух каждого явления, с которым романтику приходилось встречаться [Берковский 1973: 37, 63, 64]. Вот что Арнольд Львович пишет о самом известном селении северной Хевсурии: «Я часто бывал в Шатиле, производившем на меня особого рода поэтично-воинственное впечатление. Это дикое ущелье, сдавленное громадными навесными скалами, этот неистовый рев Аргуна, с какими-то по временам отголосками будто дальних пушечных выстрелов (вероятно, от катящихся больших камней), эти почти дикие обитатели, в своих странных костюмах и оружии, со щитами и шлемами, напоминающие средневековых рыцарей-крестоносцев, как-то особенно гордо на все взирающие; закоптелые стенки башен, униженные кровавыми трофеями (кистями правых рук) да множеством турьих рогов, за которыми шатильцы взбирались на вершины недоступных скал и снежных вершин, всё это, повторяю, производило впечатление трудно передаваемое» [Зиссерман 1879: 166–167]. С аналитической точки зрения подобного рода «поэтические впечатления» ровным счетом ничего не значат и уж тем более ничего не доказывают. Однако можно отметить, что непосредственное восприятие позволяет через сходства и несходства чувственных свойств осуществить процесс обобщения, причем без отрыва от конкретного [Мелетинский 1976: 165]. То есть мысль о качественном отличии хевсуров от не-хевсуров для Арнольда Львовича была не результатом рассуждения, но кон-

статацией очевидного, точно так же как для нас очевидно отличие жесткого по характеру человека от мягкого, жизнерадостного — от унылого.

Но впечатление еще нужно донести до читателя, и это непростая задача, ведь впечатление по природе своей *трудно передаваемое*. Здесь на помощь автору приходит рационализация: для объяснения окружающим очевидного ему самому Зиссерман прибегает к основополагающей для его времени дихотомии «Европа–Азия». Если хевсуры столь отличны от окружающих их азиатов, то, может, они европейцы? Будь Арнольд Львович ученым мужем, он, наверное, смог бы представить почтенной публике более изящную гипотезу, но за неимением соответствующих возможностей остановился на популярных и романтических крестоносцах, которые, впрочем, проясняли ситуацию не хуже персов.

Тип восприятия, представленный А.Л. Зиссерманом при описании хевсурского селения, в самом общем виде можно было бы назвать эйдетическим (от греческого «эйдос»¹). Эйдос, так же как и идея, в этимологическом отношении означает вид вещи, доступный внимательному взглядыванию, созерцанию. В античном словоупотреблении лексемы «эйдос» присутствует оттенок непосредственного схватывания, целостного восприятия вещи, узрения ее существа, а не внешней формы. По словам А.Ф. Лосева, эйдос является как бы лицом вещи, по которому мы ее узнаем. Узрение вещи как целого не связано напрямую с уровнем рассмотрения вещи как набора фактов, равно как узнавание человека не связано с измерением объема его грудной клетки или длины волос. Более того, фактическая сторона вещи с эйдетической точки зрения предстает неким отражением эйдоса и потому не вполне подлинной. В этой системе мышления термин

---

¹ Привлечение понятий из платонической традиции для характеристики романтического мировоззрения нельзя рассматривать только лишь как исследовательский произвол. Соотношение взглядов представителей немецкого идеализма и романтизма, в частности Фихте, Шеллинга, Новалиса, с платонизмом и неоплатонизмом давно обсуждается в специальной литературе [Лосев 1995: 248, 252–253].

эйдос означает смысловую организацию вещи на фоне других смысловых организаций [Лосев 1993: 230–234, 236, 272].

Пора задаться вопросом: что же видели в хевсурах не столь романтические оппоненты Зиссермана? Еще за три года до того, как юный Арнольд Львович получил должность письмоводителя в Управлении Тушино-Пшаво-Хевсурского округа, в журнале «Русский вестник» был напечатан отчет Д. Зубарева² о поездке по Закавказью. Автор, в частности, отмечает: «Тушины, Пшавы и Хевсуры говорят испорченным Грузинским языком... Должно полагать, что они были первобытными обитателями Грузии» [Зубарев 1841: 529]. Князь Р.Д. Эристов в публикации 1855 г. пишет: «...нет сомнений, что большая часть этих племен — выходцы из долин Грузии: черты их лиц и то, что они говорят древним книжным грузинским языком, меня убеждают в этом и служат самым верным тому доказательством. <...> Хевсуры и Пшавцы говорят таким древним грузинским языком, что едва ли половина нынешних жителей долин Грузии поймет их» [Эристов 1855: 77, 82]. В 1890 г. Н.А. Худадов добавляет: «Предположение о том, что грузины положили основание означенной нации, подтверждается главным образом господством во всей Хевсуретии чистого грузинского языка; говор хевсур представляет только некоторые особенности в фонетическом отношении, а также в ударении и произношении» [Худадов 1890: 65].

Как видим, вопрос о языке трактуется вполне определенно: во-первых, язык предстает качеством, прямо выражающим природу человека, и, во-вторых, диалектные особенности языка понимаются не как признак различия, но, напротив, как признак единства — через придание диалекту статуса «древней» формы языка (ср.: [Дюше 1970: 253–254]). Такой способ видения можно назвать субстантивным от латинского «субстанция». Этот термин, концептуально восходя к Аристотелю, относится к латино-

---

² Текст в «Русском вестнике» подписан просто: «Д. Зубарев», в оглавлении указаны инициалы автора: «Д.Г.» Вероятно, это ошибка, и речь идет о Дмитрие Елисеевиче Зубареве (1802–1850), чиновнике Казенной экспедиции, финансово-экономического подразделения администрации Грузии [Полиевктов 1946: 24–26].

язычной традиции и играет важную роль в средневековой схоластике. Буквально означая ‘расположенное снизу’, ‘лежащее в основе’, субстанция как нечто основательное, фундаментальное противопоставлена акциденции — случайному признаку. Субстанции существуют независимо от акциденций, а вот акциденции, напротив, существуют лишь благодаря субстанциям [Гайденко 2000а: 290, 295]. Уже в XVII в. субстанцию стали соотносить с понятием природы [Ахутин 1988: 97] и материи [Гайденко 2000б: 127–128], в результате чего сама структура субстантивного подхода хорошо известна нам по школьному материализму.

Субстрат и суперстрат. Понятно, что применение таких общих терминов, как «эйдетический» и «субстантивный», к любому частному мнению выглядит не вполне соразмерно. Поскольку в данном случае задача заключается не в безупречном употреблении философских понятий, отягощенных противоположными интерпретациями и многовековой полемикой, а в разграничении встречающихся в литературе подходов к хевсурскому материалу, будет разумным рассмотреть указанные мировоззренческие установки не сами по себе, но в их взаимоотношении.

Известно, что эйдос, будучи смыслом и сущностью вещи, является не ее частью, но скорее ее порождающей моделью. В этом смысле эйдос как бы внеположен вещи и вместе с тем определяет ее существование [Лосев 1969: 158, 173]. Проиллюстрировать эту непривычную мысль можно с помощью традиционного образа — солнечного света, отраженного в воде [Генон 2004: 65]. Как солнце не зависит от собственного отражения на поверхности воды, так и эйдос вещи не зависит от вещи; как отражение солнца в воде дрожит и переливается, не обладая устойчивостью самого светила, так и чувственные вещи, привычно именуемые «реальными», являются иллюзорными отражениями эйдосов. Таким образом, концепция эйдоса предполагает существование идеального измерения, занимающего по отношению к измерению сугубо материальному высшую позицию — если не в пространственном, то во всяком случае в ценностном отношении.

Субстанция, напротив, мыслится как нечто, расположенное в основании, и в этом смысле — внизу. В доведенной до логи-

ческого предела философской системе субстанция предстает вечной, неизменной и бесконечной, а отдельные вещи — ограниченными во времени и пространстве состояниями (иначе — модусами) субстанции [Коников 1971: 68, 131–133]. Если попытаться «спроецировать» эту концепцию на образ из предыдущего абзаца, мы увидим бесконечный, всеобъемлющий океан, источник жизни, порождающий и вбирающий в себя, как отдельные волны, все многообразие вещей. Несложно заметить, что получившаяся картина не оставляет места для внеположенных субстанции смыслов — эта стихия не нуждается в солнце³.

Для обозначения отношений двух столь различных подходов можно воспользоваться парными терминами «субстрат» и «суперстрат», взятыми в буквальном значении ‘подслоя’ и ‘надслоя’ или, что привычнее, ‘подлежащее’ и ‘надлежащее’. Очевидно, что взгляд сверху вниз прямо противоположен взгляду снизу вверх — эта пространственная метафора отчасти передает накал полемики между представителями платонической традиции, для которой понятие эйдоса является основополагающим, и сторонниками новоевропейской философии, проложившей дорогу материализму [Лосев 1993: 11; Гайденко 2000б: 126–128]. «Невозможно и немислимо одинаковое признание *действительности* “обоих” миров; если *есть* чувственный мир, то *не есть* эйдетический, а если *есть* эйдетический, то чувственный *есть* как-то иначе, а именно *кажется*» [Лосев 1993: 236].

Именно непримиримость *позиций* чувствуется в дискуссии о происхождении хевсуров. Дело не в приводимых аргументах, а в мировоззренческой установке, которая оказывается неприемлемой для оппонента. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что «субстратная» точка зрения претендует на исключительные права в области научных исследований и имеет на это известные основания: современный тип науки возникает в Новое время именно как естествознание, то есть знание о *явлениях*

---

³ Характерны выражения, которые можно обнаружить в отечественной журналистике 1840-х годов: «субстанциальная стихия», «почва субстанциальной жизни народа» [Белинский 1844: 65, 74].

природы [Гайденко 2000б: 8]. Однако отсюда вовсе не следует, что субстантивный подход следует считать безусловным. Как совершенно справедливо заметил С.С. Аверинцев, любая система мышления содержит положения, необходимо принимаемые на веру, и тезис о саморазвитии материи до сознания в этом смысле столь же непостижим и загадочен, как утверждение о сотворении мира Всемогущим Богом [Аверинцев 2005: 301].

Признание принципиального равноправия эйдетического и субстантивного подходов дает возможность оценить их сильные и слабые стороны. Эйдосы, смысловые организации вещей и явлений, в силу своей «надмирности» и «внеисторичности» слабо связаны с характерными особенностями материальных предметов, погруженных в пространство и время [Там же: 331]. В практическом плане это означает, что «схваченный» как единое целое смысл вещи соответствует сразу целому ряду схожих вещей и поэтому сравнительно легко может быть оторван от своего конкретного «носителя». Такой подход естественным образом провоцирует кросскультурные исследования и открывает широкие возможности для предположений о различных влияниях и заимствованиях.

Субстантивному подходу свойствен совсем другой тип обобщения. В качестве характерного примера можно привести точку зрения известного оружейоведа К.К. Чолокашвили на происхождение хевсурских щитов. В своей диссертации Константин Константинович выстраивает длинную линию преемственности, опирающуюся на следующие источники: этнографические наблюдения XX в. — средневековая иконография — свидетельства античных авторов V–IV вв. до н.э. — археологические данные X–VII вв. до н.э. — хеттские материалы II тыс. до н. э. [Чолокашвили 1961: 11–12]. Очевидно, что столь масштабная реконструкция не может быть подтверждена последовательным рядом предметов. Сведения же из разнотипных источников, разделенных пространственными и временными лакунами, соотнесенных друг с другом по чисто формальным признакам (круглая форма щита или использование кожи в качестве материала для щита), не способны образовать непрерывность сами по себе. Выстроен-

ные в последовательность отдельные факты могут быть представлены в качестве пусть и пунктирной, но линии только в том случае, если есть некий фактор, который обеспечивает связность и цельность данной интеллектуальной конструкции. В качестве такого фактора выступает подразумеваемая, но не названная по имени субстанция, периодически порождающая, как правило, круглые и часто кожаные щиты. Такой подход, в полном соответствии с тезисом о вечной субстанции, провоцирует у исследователя архаизирующие интуиции, причем чем глубже он погружается в историю, тем меньше встречает сопротивления для своих построений. В то же время субстантивный подход позволяет значительно расширить число источников за счет таких, которые, к примеру, с эйдетической точки зрения кажутся несущественными.

Остается добавить несколько слов о специфике изучения традиционных культур. Мирча Элиаде заметил, что «первобытная» онтология имеет платоническую структуру [Элиаде 2000: 45–46], а Е.М. Мелетинский, согласившись, что мифологическое мышление все доступное чувственному опыту рассматривает как «тени» неких вечных оснований, уточнил высказывание коллеги: «Разумеется, платоновская концепция именно потому может служить метафорой мифологического взгляда на мир, что она сама восходит к мифологической традиции» [Мелетинский 1976: 177]. А.Ф. Лосев, говоря об истории античной философии, заметил, что она началась с целостного мифа, фактически состояла из рассудочного анализа отдельных элементов мифа и закончилась реставрацией мифа, но уже в аналитически разработанном и рефлексивном виде [Лосев 1988: 96–99]⁴. Терминами «первобытная онтология» и «мифологическое мышление» в данном случае обозначены способы осмысления, характерные для куль-

---

⁴ Можно сравнить эту структуру с общей схемой романтического мироощущения в следующей формулировке: существовавшая в прошлом идеальная ситуация синтеза и единства в настоящее время пребывает в состоянии распада и разъединения, но в будущем она может и будет восстановлена в своем изначальном единстве. По сути дела, романтизм предлагал свою модификацию неоплатонической модели мира [Махов 2017: 19, 60].

тур, которые в плане историко-типологическом принято называть традиционными. Действительно, при внимательном изучении смысловые структуры традиционных обществ и концепты, восходящие к наследию Платона, оказываются удивительно соразмерными друг другу. Более того, в рамках платонизма был выработан общий философский язык, на котором мыслили и общались самые разные люди, в том числе придерживающиеся противоположных взглядов [Аверинцев 1984: 43], то есть эйдетический язык достаточно гибок и подходит для решения различных задач.

Подводя краткий итог, нужно сказать, что занимаемая исследователем мировоззренческая позиция в значительной степени определяет и направление исследования, и применяемый интеллектуальный инструментарий. Эта ситуация сама по себе требует внимания, но в большей степени требует осознания конфликта между мировоззренческими позициями. Научная дискуссия, в которой участники исходят из различных представлений об устройстве мира, представляется занятием малопродуктивным, что и подтверждает исторический спор о хевсурах и крестоносцах.

Библиография

- Аверинцев С.С.* Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 42–77.
- Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С.[С.] Другой Рим: Избранные статьи / Предисл. А. Алексеева. СПб.: Амфора, 2005. С. 315–365.
- Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
- [*Белинский В.Г.*] Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург. Одиннадцать томов. МДСССXXXVIII–МДСССXLI. Статья пятая // Отечественные записки. 1844. Т. XXXII, отд. V. С. 43–82.
- Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии / Вст. ст. А. Аникста. Л.: Худ. лит., 1973. 568 с.
- Гайденко П.П.* История греческой философии в ее связи с наукой: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000а. 319 с. (Humanitas).

- Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000б. 456 с. (Humanitas).
- Генон Р.* Человек и его осуществление согласно Веданте // Генон Р. Избранные произведения: Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика / Пер. с фр. Н. Тирос. М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. С. 5–224.
- Гурко-Кряжин В.А.* Хевсурь. М.: Изд-во Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, 1928. 40 с.
- Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.; Париж, 1970. С. 251–278.
- Зиссерман А.[Л.]* Очерки Хевсурии // Кавказ. 1851. № 22 (20 марта). С. 88–90.
- З[иссерман] А.[Л.]* Десять лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 47, полутом 2. Отдел V. С. 117–154.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. I: 1842–1851. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879. 424 с.
- Зубарев Д.[Е.]* Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. 1841. № 6. С. 509–558.
- Конилов И.А.* Материализм Спинозы / Ин-т философии АН СССР. М.: Наука, 1971. 268 с.
- Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 260 с.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 716 с.
- Лосев А.Ф.* Типы античного мышления // Античность как тип культуры / Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. М.: Наука, 1988. С. 78–104.
- Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1993. 959 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма — Стиль — Выражение / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1995. С. 5–296.
- Макалатия С.И.* Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 226 с.
- Махов А.Е.* Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX вв. Тула: Аквариус, 2017. 305 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.

- Полиевктов М.А.* Европейские путешественники 1800–1830 гг. по Кавказу / Архивное управление МВД Грузинской ССР; отв. ред. М. Габричидзе. Тбилиси: Заря Востока, 1946. 153 с.
- Радде Г.[И.]* Хевсурия и хевсуры (опыт монографии). Описание путешествия, совершенного летом 1876 года доктором Густавом Радде, директором Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе / Пер. с нем. Е.Г. Вейденбаума и Р.Ф. Эвертса // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1880. Кн. XI, вып. 2. 344 с.
- Харадзе Р.Л.* К вопросу о территориально-общинных объединениях у грузин-горцев // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Вып. XXIX. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 62–69.
- Худадов Н.А.* Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1890. Кн. XIV, вып. 1. С. 62–96.
- Чолокашвили К.К.* К истории оружейного производства в Грузии (по этнографическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории им. акад. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961. 22 с.
- Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) / Перевод с французского А. А. Васильевой // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское: пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. С. 21–124.
- Эристов Р.Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском Округе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: В Типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1855. Кн. III. С. 73–146.